

Оригиналы секретных протоколов – на стол!

Валентин Сидак

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации “О проведении дней воинской славы России в ознаменование 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” начиная с 2007 г. на федеральном, региональном и муниципальном уровнях по всей России, а также за рубежом ежегодно проводятся широкомасштабные мероприятия в честь священного для всех наших соотечественников Праздника Победы. Мы по праву гордимся Великой Победой, это поистине судьбоносное событие как в отечественной, так и в мировой истории.

В мае 1945 г. общими усилиями государств антигитлеровской коалиции был положен конец бесчеловечной идеологии и практике фашизма. Объединенные нации создали новую, как тогда казалось, более справедливую и более стабильную систему международных отношений, основанную на законном стремлении подавляющего числа жителей Земли сохранять мир на планете.

Итоги празднеств годовщины Победы показали, что ответственные политики большинства государств планеты стремятся извлекать полезные уроки из прошлого и совместно идти в направлении более осмысленного, более разумного развития человеческой цивилизации.

Однако целый ряд событий истекших трех лет дают, вместе с тем, достаточные основания полагать, что славная дата нашей отечественной истории не дает покоя недругам России. Они пытаются сделать все от них зависящее, чтобы 60-летний

СИДАК Валентин Антонович окончил Московский институт тонкой химической технологии им. М.В.Ломоносова, Краснознаменный институт КГБ при СМ СССР, Академию народного хозяйства при Правительстве РФ. Бывший сотрудник советской внешней разведки, после многолетней работы за рубежом был помощником начальника ПГУ КГБ СССР, старшим референтом Председателя КГБ СССР. Последняя должность в органах госбезопасности – начальник Секретариата КГБ СССР. Уволен из органов КГБ в 1991 г. Действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса.

Ключевые слова: “Пакт Риббентропа – Молотова”, “Особая папка” ЦК КПСС, Советско-германские соглашения августа–сентября 1939 г.

юбилей стал последним зримым напоминанием потомкам о мужестве советских ветеранов-фронтовиков и доблести труженников тыла, проявленных ими в военные годы. Они стремятся вытравить у россиян, граждан других государств СНГ законное чувство гордости и достоинства победителей, пытаются посеять зерна сомнения, нигилизма, а порой и откровенного цинизма, у нынешних защитников Отечества, у подрастающего поколения нашей страны.

Сегодня мы зримо, осязаемо видим нарастание антироссийской волны, которая периодически поднимается в республиках Балтии, Польше, некоторых других соседних с Россией государствах. Здесь и снос памятников погибшим советским воинам, и запрещение использования советской военной символики, и требования выплаты многомиллиардного ущерба, якобы нанесенного в период “оккупации” Советским Союзом, и призывы к принесению публичных извинений за “совершенную совместно с фашистской Германией агрессию” и многое другое. Сюда же можно отнести и недружественные по отношению к России действия в рамках Совета Европы, когда кому-то очень бы хотелось поставить коммунизм на одну доску с фашизмом. Острием все новых и новых антироссийских атак, главной мишенью для развязывания в прессе и электронных СМИ кампании лжи и клеветы недруги России снова избрали пресловутый “пакт Риббентропа-Молотова”, точнее, так называемые секретные дополнительные протоколы к двум важнейшим внешнеполитическим документам XX столетия – Договору о ненападении между Германией и Союзом ССР от 23 августа 1939 г. и Договору о дружбе и границе между Германией и Союзом ССР от 23 сентября 1939 г.

Еще одна мина замедленного действия на политическом поле?

В 1999 г., в связи с 60-летием начала Второй мировой войны мне впервые довелось весьма основательно погрузиться в данную проблему – правда, главным образом, под углом зрения анализа итогов работы Комиссии съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке германо-советского договора о ненападении, к которой в свое время я имел непосредственное отношение.

К сожалению, ни В.Т.Третьяков из редакции “Независимой газеты”, ни В.В.Чикин из редакции “Советской России”, которым я направлял текст подготовленной статьи, интереса к данному материалу не проявили.

Статья увидела свет лишь в середине 2000 г. в журнале “Кто есть кто в России” под названием “Секреты секретного протокола”, когда развернувшаяся на страницах “Независимой газеты” острая научная полемика двух видных исследователей советско-германских отношений довоенного

периода Олега Ржешевского и Льва Гинцберга уже угасла. Думаю, это стало основной причиной, по которой моя статья осталась практически незамеченной для широкого читателя. Тем более, что в ней я лишь обозначил основные контуры “информации к размышлению”, без раскрытия подробностей и конкретных деталей, а практические выводы предоставил делать депутатам Государственной Думы, которым, собственно, и была адресована эта публикация.

Если бы в последние годы не была развернута предельно наглая и явно кем-то оркестрованная кампания лжи и подтасовок вокруг ряда неоднозначных, порой трагических страниц отечественной истории, я, пожалуй, вряд ли “ринулся в бой” по поводу трактовки столь серьезных исторических документов, коими являются советско-германские договоренности августа-сентября 1939 г. Не моя это сфера повсед-

невных интересов, не мое призвание и даже не “хобби” – пусть этим профессионально занимаются историки, дипломаты, юристы-международники. Тем более, что копий здесь сломано немало, понаписаны горы диссертаций и научных исследований.

Однако в складывающейся ситуации считаю своим гражданским долгом публично осветить сохранившиеся в моей памяти, как бывшего начальника Секретариата КГБ СССР, некоторые весьма любопытные обстоятельства упорной и целенаправленной деятельности “команды демократов” во время пресловутой горбачевской перестройки по намеренному очернению внешней политики И.В.Сталина и всего советского руководства в предвоенные годы, по продавливанию своей заранее отработанной позиции по секретным советско-германским договоренностям.

Считаю это, помимо прочего, еще и данью личного уважения к немеркнущему подвигу ветеранов-фронтовиков, среди которых был и мой отец, защитник блокадного Ленинграда, закончивший войну на Дальнем Востоке, в Манчжурии.

Вначале обозначу собственную позицию по данной проблеме без излишних предисловий, а затем попытаюсь ее обосновать. При этом я не намерен касаться содержательной стороны советско-германских соглашений, доказывать полезность или ненужность их подготовки и принятия в тот период.

Естественно, у меня есть собственная точка зрения на эту проблему, а полученное образование и многолет-

ний опыт работы в советской внешней разведке с различными, в том числе с достаточно серьезными внешнеполитическими документами закрытого характера, позволяет подкреплять ее весомыми фактами и аргументами. Но я сознательно ограничивал рамки своего исследования только самими документами.

Кропотливый анализ бывших мне доступными для исследования исторических материалов, а также детальное знание достаточно специфичных особенностей работы с материалами “Особой папки” дают, как представляется, весомые основания сомневаться в подлинности секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении между Германией и СССР, других секретных советско-германских документов, обнаруженных в октябре 1992 г. в Президентском архиве РФ в закрытом пакете № 34 и опубликованных в 1993 г. в журнале “Новая и новейшая история”.

Не исключая полностью любых иных гипотез, я пришел в итоге анализа этих материалов к выводу, что фальшивкой являются либо копии протоколов из коллекции фон Леша, хранящиеся в Политическом архиве ФРГ, либо их “оригиналы”, находящиеся в Президентском архиве России. Впрочем, не исключаю, что фальшивками являются и те, и другие.

Если судить по ряду признаков, начало этой многолетней акции влияния* было положено, скорее всего, спецслужбами гитлеровской Германии в годы Второй мировой войны. А вот вопрос о том, кто, когда и с какой це-

* Сейчас, благодаря Ю.Семенову и другим популяризаторам шпионского жанра, любому обывателю известно, что эта форма активного воздействия на происходящие процессы хорошо известна еще со времен древнего Китая и неоднократно с успехом применялась в различных ситуациях, поэтому термин “агентура влияния” – это не досужая выдумка, а реальный аспект деятельности специальных служб.

люю подхватил их эстафету в СССР, кто изготовил “оригиналы” и другие сопутствующие разработанной гитлеровцами “легенде” документы, каким образом они оказались в нужное время в “Особой папке” Общего отдела ЦК КПСС и в архиве МИД, где их, насколько мне известно, упорно, но безуспешно разыскивали десятилетиями – весьма любопытен, но это предмет отдельного разговора и повод для особого исследования.

Могу лишь предположить следующую гипотезу. Данные “подлинники” были кем-то изготовлены с текстов фотоконий хорошо известной историкам коллекции Карла фон Леша (скорее всего, какими-то ярыми антисталинистами в 50-х годах во времена хрущевской массивированной перетряски довоенных архивов, когда, по свидетельствам очевидцев, “по указке сверху” было уничтожено свыше 15 тыс. единиц секретной архивной документации) и помещены “до нужных времен” в “Особую папку” VI сектора Общего отдела ЦК КПСС.

Во всяком случае, архивное дело, содержащее заверенные работником аппарата Совнаркома СССР В.Паниным копии секретных советско-германских протоколов, было дополнительно впечатано в опись Архива внешней политики СССР под каким-то “литерным” номером в 1957 г., но при этом нет никаких указаний, кто это сделал.

Замечу вскользь, что подобных “мин замедленного действия” заложено, по моим наблюдениям, в российских архивах немало, и когда они будут взорваны, одному Богу известно.

“Рванула” же несуществующая речь Сталина на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 августа 1939 г. (якобы хранившаяся в документах бывшего Особого архива СССР).

Или пресловутая “записка Юровского в ЦК партии”, руководствуясь которой “ар-

хеологи-любители” (местный краевед А.Авдониин и самозванный “помощник” министра внутренних дел СССР Н.А.Щелокова Г.Рябов) в нужный момент вырыли на старой копяковской дороге под Екатеринбург останки последнего российского царя Николая II и членов его семьи и длительное время хранили их у себя дома чуть ли не в ванной комнате.

Или “дневники Бормана с 1 января по 1 мая 1945 года”, которые, якобы, до 1991 года хранились в каких-то “советских спецхранах” и которыми недавно бойко торговал почему-то израильский журналист Исраэль Шамир.

А ведь покоятся еще где-то в уральской земле два металлических чемодана с “секретным архивом ЦК” и ленинскими документами, о существовании которых один из руководителей Секретариата ЦК Е.Д.Стасова, будучи уже почти в девяностолетнем возрасте, почему-то сочла необходимым “предупредить” работников Института марксизма-ленинизма лишь в начале 60-х годов прошлого века. Что в этих чемоданах находится – остается лишь гадать. Но ведь когда-то непременно добудет, что называется, из под земли этот таинственный “секретный ленинский архив” какой-нибудь всезнайка вроде кинодраматурга Г.Рябова или писателя Э.Радзинского...

Впрочем, отсылаю читателей, проявляющих повышенный интерес к проблеме подлинности документов, хранящихся в отечественных архивах, к авторитетному суждению руководителя Федерального архивного агентства, члена-корреспондента РАН В.П.Козлова, изложенному им в книге “Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке”.

Публикуя полтора года назад статью по тематике секретных протоколов с общепринятыми в научном мире ссылками на источники информации в солидном журнале “Обозреватель—Observer”¹, и давая согласие на размещение ее сокращенного варианта в “Экономической и философской газете”, я,

помимо прочего, хотел посмотреть на реакцию некоторых “специалистов”, в течение многих лет откровенно паразитирующих на непростых, неоднозначных проблемах советско-германских отношений довоенного периода. Реакция была весьма показательной – олимпийское спокойствие и выдержка, полный молчок – ни похвалы, ни ругани. Одним словом, не хотят замечать.

В этой связи хотел бы процитировать известного немецкого философа Освальда Шпенглера.

В своем труде “Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории” он отмечал: “Всякому позволено говорить, что хочет; однако пресса также свободна выбирать, обращать ей внимание на это или нет. Она способна приговорить к смерти всякую “истину”, если не возьмет на себя сообщение ее миру – поистине жуткая цензура молчания, которая тем более все-ильная, что рабская толпа читателей газет ее наличия абсолютно не замечает”.

Никому не советовал бы приводить в качестве доказательства существования “оригиналов протоколов” следующий “железобетонный” довод: “Я их (то есть секретные протоколы) сам держал в руках”.

Держать-то вы их, может быть, и держали, но, чтобы не поступить опрометчиво, не спешите судить о том, что реально вы держали в своих руках.

Сошлюсь на авторитетное мнение того же В.П.Козлова по поводу разоблаченных учеными фальшивок, по-прежнему хранящихся во многих российских, в том числе закрытых, архивах: “Отсутствие возможности натурно-демонстрационного знакомства с источником в большей степени свидетельствует о его подложности, чем о подлинности”.

Демонстрировать же широкой общественности обнаруженные в Президентском архиве “оригиналы” почему-то никто не спешит, даже их натурные копии в научных публикациях не вос-

производятся, ограничиваются лишь концовками документов с автографами Риббентропа, Молотова и Шуленбурга.

Посмотрите, к примеру, иллюстрации статьи в российском журнале “Вопросы истории” за 1994 г. (кстати, в электронном каталоге журнала за 90-е годы представлены публикации всех лет, кроме 1994 (?) г.), попытайтесь найти соответствующие фотографии в Интернете – вы сами легко убедитесь в этом.

Правда, не стоит удивляться, если при обращении к подобным материалам ваш компьютер внезапно начнет “глючить”...

Надо ли проводить дополнительную экспертизу обнаруженных в Президентском архиве документов после известного доклада А.Н.Яковлева II Съезду народных депутатов СССР?

Твердо убежден: обязательно нужно проводить и чем быстрее, тем лучше. Иначе и без того далеко зашедшие события приобретут необратимый характер, а расплачиваться за это, при неблагоприятном раскладе политических сил в Европе и мире, придется всем нам – не только России как государству, но и ее гражданам, простым налогоплательщикам, причем и морально, и материально.

Страсти вокруг пакта Риббентропа-Молотова вновь закипели нешуточные. Ящик Пандоры после известного решения Съезда народных депутатов открыт и последствия могут быть самыми непредсказуемыми.

Мы стоим накануне крушения остатков послевоенного устройства Европы.

Сегодня на континенте правит бал Маастрихт, а Ялта, Потсдам и даже Хельсинки – это уже реликты прошлого. Признают в рамках процедур ООН или на ином авторитетном международном уровне независимость Косово – много чего неприятного следует ожидать в европейских делах уже в самой недалекой перспективе. Согласие Польши и Чехии на размещение амери-

канских ракет на своей территории – тоже не изолированные события, какими-то своими гранями они совершенно очевидно уходят в прошлое, в довоенный период.

Гитлеровскую фальшивку надо поскорее разоблачать, а не устраивать вокруг нее ритуальные танцы в СМИ. Кто предметно займется вскрытием ис-

тины, кто не оробеет перед дутым авторитетом комиссии Яковлева – российский ли парламентарий, работники ведомств, входящих в состав Совета Безопасности РФ, дипломаты или же архивисты, эксперты-графологи и криминалисты – не знаю. Пока все мои призывы по-прежнему остаются гласом вопиющего в пустыне.

Основные этапы детективной истории с секретными протоколами

По общепринятой среди историков различных стран версии в конце 1943 – начале 1944 гг., когда уже стало очевидным, что гитлеровская Германия войну проигрывает, рейхминистр иностранных дел И.Риббентроп дал указание микрофильмировать некоторые материалы своего личного бюро.

Занимался этим узкий круг особо доверенных лиц, в том числе советник МИД Карл Кристиан фон Лёш.

Последний, вопреки приказу Риббентропа, якобы не уничтожил микрофильмы, но закопал их в Тюрингии, а весной 1945 г. передал их, по-видимому, за соответствующую мзду или за гарантии личной безопасности, англо-американским оккупационным властям.

В переданных фон Лёшем микропленках вначале англичане, а затем и американцы впервые обнаружили следы существования секретных дополнительных протоколов к пакту Риббентропа-Молотова.

В микрофильмах также приводилась секретная переписка германского посольства в Москве со своим МИД по подготовке советско-германских соглашений.

Кстати, к этой переписке, причем как к ее содержанию, так и оформлению, у меня тоже есть немало недоуменных вопросов. Но это уже выходит за пределы данной публикации.

Кто такой Карл фон Лёш?

Он был одним из ведущих немецких специалистов по проблемам “жизненного пространства Германии”, автор многих

трудов по германо-польским отношениям, в том числе – по проблеме “данцигского коридора”.

В 1938 г. он совместно с Фриком, Розенбергом, Бемом и другими видными деятелями нацизма издал в специализированном ежегоднике рейха статью “Немецкие приграничные территории”, которая в своих основных положениях предваряла идеи “мюнхенского сговора” в отношении Чехословакии.

О его трудах похвально отзывался основатель школы германской геополитики К.Хаусхофер, о котором сейчас многие слышаны по многочисленным публикациям о деятельности германского тайного общества “Анненербе”.

Как Вы полагаете, мог такой знаток деталей европейской политики “запустить на орбиту дипломатическую бомбу”, которая способна взорвать всю систему послевоенного устройства континента?

Лично я считаю, что мог, да еще как. Тем более что и сочинять что-либо, выдумывать не было особой нужды – все, что было описано в секретных протоколах, к 1943 г. уже произошло в действительности – и поражение Польши, и раздел ранее принадлежавших ей территорий между Германией, СССР и Литвой, и советско-финская война, и присоединение к СССР Бессарабии, и все перипетии с Виленским краем, Сувалковским выступом и прочими территориями, отошедшими к

Литве. Осталось лишь определить направление главного удара (в данном случае, советско-польские отношения послевоенного периода), грамотно оформить документы, сочинить легенду и насытить ее достоверными или правдоподобными деталями.

В 1946 г. один из секретных дополнительных протоколов при не вполне ясных обстоятельствах всплыл в США в провинциальной американской газете "Сент-Луис пост-диспетч".

Не стоит при этом забывать, что эта газета официально входит в пропагандистские структуры, контролируемые Всемирной сионистской организацией, а к тому времени в СССР уже стали намечаться первые признаки развертывания борьбы с теми, кого в начале 50-х годов советская пресса величала не иначе, как "безродные космополиты".

Затем секретные протоколы фигурировали в материалах Нюрнбергского процесса – вначале в виде так называемого аффидевита Гауса*, а потом в выступлениях адвоката Р.Гесса Альфреда Зайдля.

Последний даже нахально попытался, ссылаясь на имевшуюся у него фотокопию секретного дополнительного протокола, вызвать в трибунал В.М.Молотова в качестве свидетеля, а затем и вовсе отстранить СССР от участия в Нюрнбергском процессе. Позднее А.Зайдль в своих мемуарах прямо признал, что эту фотокопию он получил от сотрудников американской разведки.

В 1948 г. материалы коллекции фон Леша были опубликованы госдепартаментом США в переводе на английский язык**. Однако примерно до начала 70-х годов о них изредка вспоминал

лишь узкий круг специалистов-историков, никакой особой шумихи по этому поводу в мировой прессе не наблюдалось.

Кстати, рискну предположить, что обнаруженные в конце 80-х годов в МИД СССР заверенные В.Паниным копии секретных протоколов на деле могли являться ни чем иным, как подготовленными для доклада руководству правительства или ведомства справочными материалами относительно характера публикаций в книге госдепартамента США или же обратным переводом опубликованных там документов.

Построение второго кирпичика в этой многолетней "активке" началось примерно в 1959–1961 гг., когда окончательно устранили от власти "антипартийного" В.М.Молотова, вынесли из Мавзолея тело И.В.Сталина. Польская сторона в лице первого секретаря ЦК ПОРП Владислава Гомулки начала поднимать на межгосударственном и межпартийном уровне первые неудобные для СССР вопросы о "темных пятнах" в истории советско-польских отношений, в том числе по секретному протоколу. На сей раз в бой вступили историки. Впрочем, как всегда, дело не обошлось без участия спецслужб.

Вспомните исторические особенности того периода. С одной стороны – критика и разоблачение нарождающегося реваншизма в ФРГ и попытки ревизовать Ялтинские и Потсдамские соглашения – с другой. Именно на этих двух направлениях были сконцентрированы за рубежом усилия как историков, так и стоящих, порой, за ними спецслужб. На Западе появилась масса

* Это – заверенные показания бывшего руководителя правового отдела МИД Германии Ф.Гауса, который, судя по дипломатической переписке тех времен, и был составителем того варианта пакта Риббентропа – Молотова, который сегодня всем известен.

** Между прочим, один из издателей книги был штатным сотрудником Управления стратегических служб, то есть разведки США.

трудов и исследований, посвященных пакту, истории советско-германских отношений предвоенного периода. И в научных исследованиях, и в пропагандистских акциях западных спецслужб на первый план выдвигалась задача – дискредитировать решающий вклад СССР в разгром гитлеровской Германии.

В эпоху В.Брандта, в период существенного оздоровления климата советско-западногерманских отношений, СССР впервые официально обратился по дипломатическим каналам в федеральные ведомства ФРГ с просьбой о поиске оригиналов советско-германских договоренностей 1939–1941 гг. в немецких архивах. Ответ был следующим: оригиналов нет, копии есть (имелись в виду, естественно, материалы коллекции фон Леша, возвращенные в ФРГ из США в 1958 г.). Такие просьбы периодически высказывались нами немецкой стороне до тех пор, пока в июне 1989 г. во время официального визита канцлер Г.Коль не передал М.Горбачеву микрофильмированные копии этих документов, хранящихся в Политическом архиве ФРГ.

Попутно замечу, что весь этот период официальные власти ФРГ (как исторической правопреемницы гитлеровской Германии) уклонялись от признания подлинности копий секретных дополнительных протоколов, хранившихся в их государственных архивах.

Это обстоятельство, кстати, было неоднократно зафиксировано в секретной дипломатической переписке того периода, так что “спецпосланнику Горбачева – Яковлева” журналисту Л.Безыменскому (ныне покойному) следовало бы иметь это в виду при описании подробностей своей “исторической миссии” в Бонн в середине 1989 г.

Как дело обстоит сейчас – не знаю, но думаю, что позиция немецкой стороны по данному вопросу осталась, скорее всего, неизменной.

Следующий этап наступил в эпоху разрядки, после заключения Хельсинкских соглашений.

В Европе стала пробивать дорогу идея объединения Германии, а бывшие союзники по антигитлеровской коалиции все далее отдалялись друг от друга, противостоя и на уровне “сверхдержав”, и в рамках военно-политических блоков – НАТО и Организации Варшавского договора.

Советской внешней разведкой были добыты, причем неоднократно, документальные свидетельства того, что более 30 лет назад США и рядом других стран НАТО была поставлена и с тех пор небезуспешно реализуется задача ревизии итогов Второй мировой войны и признания Советского Союза государством-агрессором, “подлинным инициатором” ее развязывания, по крайней мере, – активным пособником Гитлера в реализации его экспансионистских планов и устремлений в Европе и мире. Козырной картой при этом являлся секретный протокол к пакту Молотова – Риббентропа.

Поэтому, когда на пропагандистской сцене начали мелькать персонажи вроде Суворова – Резуна с его “ледокольными” опусами, стало очевидным, что кампания активных мероприятий западных разведок будет набирать все новые обороты.

И хотя научное сообщество в России, в Германии, других европейских странах сочло для себя неприличным, ниже собственного достоинства ввязываться в полемику с провокатором на услужении у британских спецслужб (сошлюсь, к примеру, на статью научного сотрудника Федерального военного архива ФРГ д-ра Г.Юбершера), тем не менее книги Суворова, пронизанные ложью и ненавистью к своей родине, стали не без успеха популяризоваться в обывательской среде, в том числе в России и в государствах на постсоветской территории бывшего СССР.

Настоятельно не рекомендовал бы нашим маститым историкам и многозвезд-

ным генералам вступать с умным видом в научную полемику с этим пустозвоном. Как вы, уважаемые коллеги, не можете понять, что "Суворов" – это коллективный псевдоним соответствующего подразделения СИС, самой опытной в мире спецслужбы именно в области подготовки и проведения активных мероприятий. Сражаться с ней на предложенном Резуном поле – безнадежное дело, у них в консультантах числится весь цвет британской профессуры из Оксфорда и Кембриджа.

Заключительный этап политического спектакля

Пик спекуляций на тему секретных протоколов пришелся на годы горбачевско-яковлевской перестройки.

К этому времени были созданы все необходимые условия внешнеполитического и внутриполитического порядка для заключительного акта спектакля под названием "осуждение секретных протоколов". Под лозунгами "возврата к ленинизму", "защиты истинного социализма" пинали со всех сторон "кровавого злодея" Сталина, обеляли Троцкого и его сподвижников.

Пошла вторая волна массовой реабилитации жертв политических репрессий, причем делалось это столь же огульно, кампанейски и с явной оглядкой на текущую политическую конъюнктуру, как и штамповка во времена Ежова обвинительных приговоров "тройками".

На этом этапе зарубежные спецслужбы поработали на славу. Дело, наверняка, не обошлось без агентов влияния и разного рода авантюристов – "инициативников".

К этому времени В.М.Молотов, которого весь мир знал по пакту Риббентропа-Молотова и "коктейлю Молотова", умер.

Не стало и другого советского политика, который мог бы пролить свет на запутанную историю с протоколами, – многолетний министр иностранных дел А.А.Громыко.

Резун – это мелочь как и скончавшийся несколько лет назад в Англии Василий Митрохин. В этом их коренное отличие от действительно талантливого мерзавца на услужении МИ-6 Олега Гордиевского. Уж ему-то не зря за свое предательство присвоили чин полковника британской разведки, не зря его сейчас вместе с бывшим народным депутатом СССР, и, к слову сказать, "почетным кубанским казаком" О.Калугиным регулярно выпускают на публику как экспертов по самым важным делам советских и российских спецслужб.

Умер и его бывший помощник, а потом – заместитель министра иностранных дел СССР Б.Ф.Подцероб, который в 1946 г. по внутрислужебному акту вместо оригиналов документов почему-то передавал "подлинники" другому мидовцу – Д.В.Смирнову. Прибалтийские государства все настойчивее рвались из СССР на "свободу".

По инициативе В.Ярузельского была создана двусторонняя комиссия ученых СССР и ПНР во главе с Г.Л.Смирновым и Яремой Мачишевским.

Думается, на первом этапе создание политического напряжения между Москвой и Варшавой было своеобразной программой-минимум для задуманной многоходовки с "секретными документами". Однако на завершающем этапе перестройки они сработали по максимуму в пользу реваншистов, стремившихся пересмотреть итоги Второй мировой войны, а затем ревизовать и Хельсинкские соглашения, подтвердившие эти итоги.

К середине 80-х годов в Советском Союзе произошла смена властных структур, был сформирован новый высший орган государственной власти СССР – Съезд народных депутатов. Одним из первых его шагов стало создание специальной комиссии по советско-германскому пакту. Видимо, более важной и актуальной задачи "депутаты

от перестройки и нового политического мышления” для себя не нашли...

Комиссия из 26 депутатов во главе с А.Н.Яковлевым и тремя его замами – Ю.Н.Афанасьевым, В.М.Фалиным и Э.Липмаа (кстати, владельцем богатейшей “коллекции подписей” В.М.Молотова) – “потрудились” над проблемой немногим более месяца, и уже в июле 1989 г. основные выводы были ею сформулированы и представлены в Политбюро ЦК КПСС. Еще бы им не быть сформулированными, если команда Яковлева к тому времени уже “смазала приводные механизмы” во всех нужных инстанциях – в отделах ЦК КПСС, в МИД, в советско-польской комиссии ученых, в научных учреждениях прибалтийских стран.

Почитайте, к примеру, материалы “круглого стола”, проведенного редакцией “Правды” 11 августа 1989 г. – вам многое станет ясным.

Почитайте предисловие, написанное директором Института истории партии при ЦК Компартии Литвы В.Кашаускене и заместителем директора Института истории АН Литовской ССР А.Эйдintasом к опубликованному в тот же период в Литве переводному изданию книги эмигрировавшего в США историка Ю.Фельштинского “СССР – Германия.1939–1941 гг. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля 1931 г. по июль 1941 г.”.

Именно там со ссылкой на решение сессии Верховного Совета Литовской ССР впервые появилась лукавая формула, которая впоследствии была успешно проведена и через комиссию Яковлева, и через Съезд народных депутатов.

Прибалтами был предложен якобы “спасительный выход” – отделение “секретных протоколов” от основных документов (Договора о ненападении и Договора о дружбе и границе), объявление “протоколов” противоречащими “ленинским принципам внешней политики”, признание их ничтожными и не имеющими юридической силы с момента подписания.

Всем несогласным с этой выработанной на самом вершине политической линией выкрутили руки – и ученым, и привлеченным экспертам.

Об этом в июне 2006 г. честно и правдиво на страницах “Российской газеты” поведал ведущий российский специалист по советско-германским отношениям, президент Ассоциации историков Второй мировой войны профессор О.Ржешевский.

Комиссия опрашивала каких-то липовых свидетелей, занималась для создания видимости объективности, по сути, детской самодеятельностью, а серьезная экспертиза так и не была проведена – говорю об этом вполне ответственно, эксперты КГБ, также привлекавшиеся к работе комиссии, рассказали руководству ведомства немало интересных деталей о царившей там атмосфере. Народных депутатов же, попросту говоря, надули и провели на мякине – отсюда и результаты их голосования по докладу комиссии на Съезде. Ну что же, свой вклад в подготовку развала СССР они внесли, поэтому сегодня поздно каяться и посыпать головы пеплом.

Об обстоятельствах обнаружения “Волгоновым @ Ко” в Президентском архиве запечатанного пакета № 34 судить могу лишь по публикациям Р.Пихоя, Ю.Афанасьева и др. Если учесть, что значительная часть архива Волгонова сегодня находится в Союзных Штатах, нельзя исключать, что в нужный момент американцы выковыряют из него что-либо “свеженькое” и по пакту Риббентропа – Молотова.

В ожидании новых сенсационных “разоблачений преступной сталинской политики” было бы, все же, небезынтересным получить от “компетентных специалистов” вразумительные и подтвержденные фактами ответы на следующие вопросы:

– Почему документальные свидетельства хранения “оригиналов секретных дополнительных протоколов” в ЦК КПСС своей начальной точкой от-

счета имеют лишь 1987 г., когда у власти в стране устойчиво закрепились М.С.Горбачов и команда его ближайших единомышленников, прежде всего, людей типа А.Н.Яковлева и Э.А.Шеварднадзе;

– Каким образом “оригиналы протоколов” с 1952 г. хранились в “Особой папке” Общего отдела ЦК КПСС без наличия обязательного в подобных случаях листа ознакомления с содержимым опечатанного пакета (или с соответствующими страницами архивного дела, если материалы не были выделены в отдельную подборку)? Почему в пакете нет никаких документально зафиксированных следов ознакомления допущенных к этим материалам должностных лиц, где находятся вырезки лицевой стороны предыдущих пакетов, если производилось их вскрытие и перепакетирование?

– Почему этими материалами не заинтересовались ни Л.И.Брежнев, ни Н.С.Хрущев, ни Ю.В.Андропов, ни К.У.Черненко?

Что дает основание подозревать в протоколах историко-дипломатическую фальшивку?

Прежде всего то, что идентичности, тождества в опубликованных в различных отечественных и зарубежных изданиях изображений текстов “оригиналов”, “копий”, “микрофиш” секретных протоколов нет и в помине.

Представленные на сегодняшний день на суд научной общественности документы не идентичны, хотя автографы Молотова, Риббентропа или германского посла Шуленбурга на них непременно присутствуют. Выводы делайте сами.

Мудрая английская поговорка гласит: “Дьявол кроется в деталях”.

В ранее опубликованных статьях я привел целый ряд нестыковок в представленных документах: например,

– Почему именно заммининдел И.Н.Земсков, а не кто-либо иной из руководства МИД, дважды затребовал копии документов в 70-х годах и чем была вызвана эта потребность, кто из работников Общего отдела ЦК работал по исполнению данного запроса, кто давал санкцию на изготовление копий, где и как это было зафиксировано?

– Сохранились ли в архивах ЦК КПСС и МИД СССР копии письменных запросов И.Н.Земскова, А.А.Громыко или иных руководителей МИД в Общий отдел ЦК КПСС;

– Почему у В.М.Молотова, который, по единодушной оценке хорошо знавших его людей, был очень дисциплинированным и ответственным за свои поступки членом партии, за более, чем тридцатилетний период сознательного политического забвения, не взяли ни единого письменного разъяснения на этот счет, хотя, насколько мне известно, по другим поводам к его помощи и консультациям обращались не единожды?

обращал внимание на такие странности, как вставленные “от руки” исправления в текст якобы оригинала, которые не совпадают с такими же вставками в “копиях” секретных протоколов. Обращал внимание на то, что подписи Молотова под немецкими текстами документов были исполнены на латинице, но при этом зачастую совершенно по-разному и т.д. Ну, да Бог с ним, с Молотовым, в конечном итоге как захотел, так и расписался. Поэтому поговорим о более существенных деталях.

Начну с географии. Упомянутые в секретных дополнительных протоколах реки названы неточно, на деле они носят следующие названия: Нарев, Висла, Сан и Писса. Не буду касаться

того, откуда и куда они текут, можно ли по ним проводить разделительную линию сферы интересов и т.д. Наверное, при определенной изощренности ума можно. Но тогда к “советской сфере интересов” дополнительно отходила бы значительная часть польской территории с городами Люблин, Модлин и другими, а также восточные предместья Варшавы. В любом случае, фраза в документе должна бы выглядеть примерно так: “по линии рек Писса, Нарев, Висла и Сан” или же, по крайней мере, “по линии рек Писсы, Нарева, Вислы и Сана”.

Посмотрите внимательно на формулировки в русских текстах двух секретных протоколов, подготовленных с разницей в неделю. Риббентроп с Молотовым подписывает 23 августа одно, а уже 28 августа Шуленбург с тем же Молотовым – совсем другое. Как будто нарочно, на зло всем нам действуют по принципу: кто в лес, кто по дрова... Между тем в немецких вариантах секретного протокола и разъяснения к нему все написано четко и грамотно, как надо.

А теперь сравните эти “перлы” с реальным историческим документом – Дополнительным протоколом между Союзом ССР и Германией, подписанным Молотовым и Шуленбургом 4 октября 1939 г. Там сразу видно, что перед вами настоящее пограничное соглашение. Никакой Вислой здесь, естественно, и не пахнет.

Для чего же упоминание этой реки понадобилось сохранять в “документах”, датированных второй половиной сентября 1939 г., когда польские территории уже на деле поделили так, как поделили? Только с одной целью – перекинуть смысловой мостик к первому, основополагающему “секретному дополнительному протоколу”, чтобы еще раз “подкрепить” реальность его существования.

Пойдем далее. Официальное название германо-советского соглашения от 28 сентября 1939 г. – Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Почему же тогда в секретном дополнительном протоколе идет речь о “договоре о границе и дружбе”? Это ведь только домохозяйки не видят никакой разницы в наименовании дипломатических документов. Но ведь германские и советские дипломаты и юристы, принимавшие участие в их подготовке – не обыватели, а высококлассные специалисты в составлении международно-правовых актов.

Все это, скажем мягко, погрешности являются прямым указанием на то, что фальшивку сочиняли немцы, причем скорее не дипломаты, а работники спецслужб.

В документах хранящейся на Западе коллекции фон Лёша в русскоязычном тексте четыре раза употребляется словосочетание: “обоими сторонами”, тогда как по-русски должно быть: “обеими”. Причем это наблюдается не только в основном “секретном дополнительном протоколе”, но и в самом пакте о ненападении – несекретном, ратифицированном и опубликованном документе.

Посмотрите сами в “Интернете” изображения фотокопий документов из коллекции фон Лёша.

Их номера в каталоге (или, как изящно выразился Л.А.Безыменский в своей книге “Гитлер и Сталин перед схваткой” – сигнатура) соответственно F19 182 – F19 185 и F110050 – F110052. Это отчетливо видно и на публиковавшихся в американской и английской печати фотоснимках, и в текстах, воспроизведенных Историко-дипломатическим управлением МИД СССР по копиям из архивов ФРГ.

Зачем, спрашивается, фон Лёшу или любым другим сотрудникам германского МИД понадобилось менять что-

либо в тексте несекретного официального документа, коим является Договор о ненападении между Германией и Союзом ССР?

Вывод может быть лишь один – кто-то готовил к микрофильмированию специально подготовленные документы, которые и в правовом, и в смысловом отношениях должны были составить единое целое, используя в них одинаковые лингвистические обороты, затем ставил с помощью графологов “автографы” В.Молотова и И.Риббентропа и, к счастью для истории, допустил при этом ряд досадных погрешностей и прямых проколов...

Кто-то скажет, ну какая здесь разница – “обоими” или “обеими” сторонами – мелочь все это. Нет, не мелочь, а прямой указатель на то, откуда растут уши. В немецком языке во множественном числе нет разницы в написании прилагательных мужского, женского и среднего рода – все едино, всегда будет “*beide*”, “*beiden*” и т.д. А у нас разница между “обоими” и “обеими” понятна любому грамотному человеку. Что, Молотов со Сталиным были неграмотными людьми? Очевидцы говорят совершенно об обратном.

И название договора у немцев, по сравнению с русским языком, строится совсем по-другому – “*Grenz – und Freundschaftsvertrag*”. То есть, сначала подавайте им границу, а затем уже, может быть, и подружиться. Точно такая же языковая конструкция наблюдается

и в английском переводе – “*Boundary and Friendship Treaty*”.

Кстати, если верить российским “официальным” публикациям, в обнаруженном в архиве Президента РФ тексте “подлинника” и в тексте машинописной копии, хранящейся сейчас в Архиве внешней политики РФ, используется словосочетание “обеими сторонами”. Случайность ошибки по небрежности машинистки или наборщика типографии я, не навязывая никому собственное мнение, исключаю практически полностью.

В заверенных работником аппарата Совнаркома СССР В. Паниным машинописных копиях, якобы “случайно” обнаруженных в архивах МИД СССР в 1989 г., совершенно иной перенос слов, другие машинописные интервалы, имеются различия в написании названий географических объектов, а также отсутствует ряд характерных для немецкой копии деталей.

Хочу при этом напомнить читателям, что истинная копия документа того периода – это всего лишь еще один экземпляр оригинала, исполненный на одной и той же пишущей машинке с помощью копировальной бумаги или, как ранее говорили, “под копирку”.

Поэтому все машинописные особенности оригинала (а не только шрифты запыленной пишущей машинки со складов МИД) непременно должны сохраниться и в его копии, чего мы в данном случае не наблюдаем.

С чем приходится встречаться в различных публикациях?

Кроме этих трудно объяснимых с точки зрения порядка составления и подписания важных внешнеполитических документов обстоятельств, имеется масса других несоответствий по одним и тем же текстам секретных приложений, опубликованным в различных изданиях.

Раскроем первый номер журнала “Новая и новейшая история” за 1993 г. Помещая интересующие нас материалы, его редакция с гордостью указывала, что “официальные советские тексты документов... публикуются впервые. Тексты воспроизводятся по оригиналам на русском и немецком языках”.

Ну, что это, прости Господи, за “официальная публикация”, в которой, например, указывается, что секретный дополнительный протокол об изменении советско-германского соглашения от 23 августа относительно сфер интересов Германии и СССР подписан Молотовым и Риббентропом... 28 сентября 1993 г.?

Что это за непонятные ссылки на “Министерство Иностранных Дел Союза ССР” в документах, датированных 1939 г., когда, как известно, существовали не министерства, а наркоматы?

Почему в немецких текстах документов фамилия В.М.Молотова пишется то “*W.Molotow*”, то “*W.Molotov*”?

Почему в “подлиннике” доверительного протокола от 28 сентября 1939 г. на русском языке написано “за Германское Правительство”, тогда как в копии из архивов ФРГ указано: “за Правительство Германии”?

В оригинале секретного дополнительно протокола от 28 сентября 1939 г. есть лишь дата подписания документа, а в копии – еще и место его заключения – Москва...

Идеолог горбачевской перестройки А.Н.Яковлев “вешал” народным депутатам СССР “лапшу на уши”, когда утверждал, что “графологическая, фототехническая и лексическая экспертизы копий, карт и других документов, соответствие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его существования и подписания”.

Ничего они не подтверждают.

Любой грамотный юрист, любой эксперт-криминалист тотчас предметно и убедительно докажет, что достоверность документа по копии (тем более по некачественной негативной фотокопии!) установить нельзя. Подобные виды экспертных исследований проводятся исключительно по оригиналам документов: только они имеют доказательную силу в суде и иных юридических инстанциях.

В свое время я неоднократно, но, к сожалению, безуспешно пытался взгля-

нуть на эти материалы, коль скоро их рассекретили. Прибегал к помощи депутатов Государственной Думы, высокопоставленных российских чиновников – безрезультатно...

Могу лишь добавить, что мне достоверно известно следующее: когда МИД России в период работы над договором с Литвой понадобились подлинники секретных приложений к советско-германским договорам, в Архиве Президента РФ их отослали... Правильно, все к той же публикации в журнале “Новая и новейшая история”.

К чему, спрашивается, эта загадочная таинственность вокруг преданных огласке материалов, которых в “живом виде” никто, кроме архивистов и бывших работников Общего отдела ЦК КПСС, не видел?

Или, к примеру, дают “задним числом” сенсационную новость: в Третьяковской галерее в 1995 г. впервые экспонировались “оригиналы” секретных протоколов из Президентского архива. Наводим справки об авторах сенсации – оказывается, третьеразрядный украинский политический сайт, а в российских официальных сообщениях о действительно развертывавшейся юбилейной выставке об “оригиналах” ни слова, лишь все та же пресловутая карта с подписями И.Риббентропа и И.В.Сталина.

Другое “сенсационное” сообщение – в Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе демонстрируют “оригинал” одного из секретных протоколов. Приглядываешься повнимательнее – все та же копия из немецких архивов...

Думается, пора заканчивать кормить общество разными суррогатами исторической правды – мемуарами каких-то переводчиков, охранников, водителей, близких и дальних родственников великих людей прошлого.

Чушь он несут, вроде той, что бывший шеф гестапо Мюллер после войны трудился в спецлагере на Урале, а Рауля Валленберга видели в 50-х годах во Владимирском центре. Вопрос достаточно серьезный, а поэтому давайте работать только с первоисточниками.

Скажу прямо: такие наиболее ходовые среди западных исследователей издания, как "Британская голубая книга войны", "Французская желтая книга", издания Госдепартамента США (1948 г. и 1949–1964 гг.) под названием соответственно "Нацистско-советские отношения: документы из архивов германского МИД" и "Документы германской внешней политики 1918–1945 гг.: из архивов германского МИД" или, к примеру, документы "Авалонского проекта школы права Йельского университета", считать первоисточниками по пакту Риббентропа – Молотова, по моему мнению, нельзя.

Когда один и тот же дипломатический документ (Договор о ненападении) по тексту переводится тремя разными терминами (*Pact, Treaty, Agreement*), это говорит, как минимум, о непрофессиональном переводе.

Что это, спрашивается, за "официальный перевод" секретного дополнительного протокола, в котором отсутствует целый абзац преамбулы, а в тексте Договора о ненападении искажена ст. IV?

Несколько наблюдений и замечаний по поводу...

В чем, на мой взгляд, заключается *главная ошибка* подавляющего большинства добросовестных исследователей советско-германских соглашений августа-сентября 1939 г.?

Они героически, но явно бесполезно с точки зрения эффективности воздействия приводимой ими аргументации на массовое сознание, пытаются со строго научных позиций доказать неизбежность вынужденного шага советского политического руководства того периода.

Так, М.И.Семиряга, Р.А.Мюллерсон, О.В.Вишнев, В.Роговин, А.Талалаев, Н.Шепова и многие другие авторы искренне

Принимать же в качестве первоисточника популярное у польских исследователей лондонское издание "Дневников и карт" бывшего заместителя министра иностранных дел Польши Яна Шембека просто несерьезно, он умер в Португалии еще до появления на свет первых публикаций по секретным протоколам.

Итак, что мы имеем в итоге?

По сути, имеются в наличии два комплекта якобы одних и тех же, но на деле различных по тексту и оформительским признакам документов: один из них в виде копий из западных архивов, другой – "оригиналы", хранимые в Президентском архиве России.

Отбросим на мгновение наши политические и идеологические симпатии и антипатии – попробуем достичь единства хотя бы в одном, чисто техническом вопросе. Вправе мы или нет ожидать от этих документов их полного тождества, идентичности во всем? Или же это непрменный атрибут составления международно-правовых актов, непрменное условие их одинаковой юридической силы вовсе не обязательны почему-то именно для советско-германских секретных дополнительных протоколов?

стремятся с фактами в руках продемонстрировать своим коллегам и общественности традиционный, если хотите, рутинный для той бурной эпохи характер внешнеполитических документов, заключенных между советским государством и фашистской Германией.

Другие, как, например, И.Пыхалов на страницах журнала "Спецназ России", вообще ставят вопрос ребром: а нужно ли нам вообще стыдиться пакта Молотова – Риббентропа, коль скоро был Мюнхенский сговор западных держав, а Польша приняла участие в разделе Чехословакии и оттаяла у нее Тешинскую область?

Эту точку зрения, кстати, сегодня разделяют многие политики современной России.

К сожалению, уважаемые коллеги не могут или не хотят признать как непреложный факт, что отдельным западным странам, их специальным службам, а также падкой на сенсации желтой прессе историческая правда, ее конкретные детали не нужны. Нужно лишь еще одно публичное унижение нашей страны, развенчание определяющей роли Советского Союза в достижении победы над фашизмом.

Пока же зафиксируем очевидный факт: осуществление планов и замыслов тридцатилетней давности для Запада идет успешно.

Для иллюстрации процитирую высказывание генерального секретаря НАТО Дж.Робертсона (14 декабря 2002 г.): "Пригласив в НАТО семь стран Центральной и Восточной Европы, альянс добился самой большой победы за полвека. Он перечеркнул пакт Риббентропа – Молотова и Ялтинские соглашения".

НАТО, вместо своей трансформации из военно-политического в политический союз, уверенно, я бы сказал, победно шагает по Европе, а Россию скоро замуруют за новой берлинской стеной, только проходить на сей раз она будет гораздо ближе к столице...

Ошибка вторая. В своем стремлении "привести в чувство" зарвавшихся политиков прибалтийских стран (в том числе по актуальной на сегодня проблеме транзита в калининградский эксклав) некоторые бывшие российские депутаты (Д.О.Рогозин, В.И.Алкнис, Н.А.Нарочницкая и др.) в свое время пытались извлечь некую "пользу" из факта признания Съездом народных депутатов СССР советско-германского пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола к нему юридически несостоятельными и недействительными с момента подписания. Давайте, дескать, признаем свою "неправоту" в вопросе заключения пакта с

Германией, денонсируем его, а Литва пусть повернется, как уж на сковороде, с проблемой ранее входившей в состав Польши Виленской области, равно как и по поводу территориальной принадлежности других полученных в результате пребывания в составе СССР территорий.

Легковесность и самой идеи, и приводимой при этом аргументации очевидны.

Доведенная до абсурда идея "единоличного правопреемства" России от СССР, с пропагандой которой еще до недавнего времени выступал ряд патристично настроенных российских политиков, неизбежно заводит в тупик. Любому мало-мальски грамотному специалисту в области международного права понятен и не подлежит сомнению тот факт, что правопреемниками Советского Союза являются все без исключения бывшие союзные республики СССР, ныне – суверенные и независимые государства. Ибо они являются историческими правопреемниками и реальными правообладателями важнейшего атрибута государственного суверенитета – территории государства, на которой осуществляется вся полнота власти, все его верховенство во внутренних делах.

Строго говоря, призывать к акциям "публичного покаяния и осуждения пакта Молотова – Риббентропа", как к этому призывали накануне 60-летнего юбилея Победы советник президента США по национальной безопасности Стивен Хедли и руководители стран Балтии, нужно сегодня не Россию. Не она владеет территориями, отошедшими к Советскому Союзу в результате "преступного сговора двух тоталитарных хищников". И если руководство прибалтийских государств, Украины, Молдовы и Белоруссии сочтет для себя необходимым и возможным встать на этот скользкий путь, ведущий в исто-

рическую пропасть, оно, по крайней мере, связано перед народами своих стран сделать это осознанно и ответственно. Опираясь, в частности, не на досужие домыслы фальсификаторов истории, а на рассекреченные документы из российских архивов, аутентичность которых установлена достоверно, сомнению не подлежит и признана на межгосударственном уровне.

Замечание третье. Доморощенные российские “демократы” в своем стремлении окончательно “прищучить сторонников тоталитаризма” намеренно валят все в одну историческую кучу. Для них все документы того периода – “пакт Риббентропа – Молотова”. И Договор о ненападении от 23 августа 1939 г., и германо-советский Договор о дружбе и границе от 28 сентября того же года, и прилагаемые к ним протоколы, карты, прочие приложения.

Истинное предназначение этого примитивного блефа очевидно.

На II Съезде народных депутатов СССР лукавый А.Н.Яковлев сломал упорство не шибко грамотных нардепов, сунув им в нос в качестве “важнейшего вещественного доказательства” существования “секретного дополнительного протокола к пакту Риббентропа – Молотова” якобы случайно обнаруженную в архиве карту разграничения новой границы с личными (!) автографами И.В.Сталина и И.Риббентропа. Хотя на деле эта карта дипломатам и историкам давно и хорошо известна как составная и неотъемлемая часть подписанного в сентябре 1939 г. Договора о дружбе и границе между Германией и СССР. Она была официально опубликована в газете “Правда” в том же далеком 1939 г. и никто из нее никогда и никакого секрета не делал.

Казалось бы, ну чего стоят подобные “свидетельства”, равно как и воспоминания открыто и скрыто ненавидевших

И.В.Сталина некоторых его современников и продолжающих ненавидеть “кремлевского тирана” их потомков.

А ведь действуют же их рассказы на простодушную публику.

Так же, как и вымыслы о графологической экспертизе текстов документов и подписи В.М.Молотова, якобы проведенной сотрудниками МУРа в пику специалистам научно-исследовательского института КГБ, действительно отказавшимся, несмотря на давление А.Н.Яковлева, признать достоверность материалов по фотокопиям.

К сожалению, не вняли, в своей массе, народные депутаты СССР страстному призыву к разуму своего коллеги и моего земляка пенсионера В.С.Образа и 1435 голосами “за” при 251 “против” и 266 “воздержавшихся” приняли Постановление Съезда “О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года”.

К слову сказать, настойчиво требовавший денонсации пакта Риббентропа-Молотова бывший депутат Госдумы В.И.Алкнис также поддержал это постановление, вместе с М.С.Горбачевым, Б.Н.Ельциным и А.Н.Яковлевым...

Не могу пройти равнодушно мимо некоторых свидетельств очевидцев прошедших событий, которыми сегодня размахивают, как дубиной, сторонники подлинности обнаруженных в президентском архиве секретных протоколов.

Прежде всего, это воспоминания В.И.Болдина в книге “Крушение пьедестала” и В.М.Фалина “Сумерки богов по-русски”.

Лично я испытывал неловкость, читая эти материалы.

Формально они вроде бы направлены на разоблачение политического театра М.С.Горбачева, устроенного последним вокруг секретных протоколов, на раскрытие закулисных козней А.Н.Яковлева и ему подобных. Но...

В.И.Болдин за освещение темы секретных протоколов почему-то взялся, еще будучи под следствием по делу ГКЧП. В интервью Н.Гарифуллиной, опубликованном 11 марта 1993 г. в газете "Советская Россия" под названием "Мистификаторы. Руководитель аппарата экс-президента СССР Валерий Болдин "уточняет" А.Яковлева и М.Горбачева" он впервые изложил содержание своих докладов генсеку в 1987 г.

И сразу же возникают недоуменные вопросы. Ну, как, спрашивается, можно спутать "небольшой документ из двух листочков" и 16 страниц одних только приложений, извлеченных фирмой "Волкогенов & Ко" в октябре 1992 г. из пакета № 34 бывшей "Особой папки" ЦК КПСС?

Читать же его воспоминания в статье "Над пропастью во лжи. Политический театр Горбачева" в ежемесячнике "Совершенно секретно" (март 1999 г.) я бы вообще никому не рекомендовал. Что ни фраза – тут же закономерно возникает вопрос.

К примеру: когда впервые А.А.Громыко ознакомился с этими материалами – в 1957 или в 1975 г.?

Были ли они в 1953 г. еще в личном сейфе В.М.Молотова, как утверждает В.И.Болдин или же с октября 1952 г. находились в архиве ЦК КПСС, как написал в своей "совершенно секретной" справке зав. сектором Общего отдела Лоллий Мошков, опечатававший пакет № 34 в 1987 г.?

Для того, чтобы показать общественности, что М.С.Горбачев лицемер и лгун, автору статьи было излишним расписывать в цвете леденящую душу "демократов" историю с докладом генсеку КПСС подлинников секретных протоколов.

Кто такой Горбачев как политик и как человек – каждый из нас уже давно для себя решил.

То, что последний генсек всячески уходил от решения важнейших государственных

и партийных проблем, осторожничал, чтобы не замарать свое "доброе имя" в глазах мировой закулисы, а на деле по преимуществу интриговал, занимался откровенным словоблудием и спихотехникой, не забывая при этом себя, дорогого и любимого – сегодня это ни для кого уже не открытие, а, скорее, секрет Полишинеля.

Так, в 1989–1991 гг. большая часть материалов, направлявшихся из КГБ СССР на доклад политическому руководству страны, требовавших решения Генерального секретаря ЦК КПСС или, впоследствии, Президента СССР, возвращалась с короткой и невнятной для организации исполнения пометкой "М.С.Горбачеву доложено. В.Болдин". Ни И.В.Сталин, ни Л.И.Брежнев, ни Ю.В.Андропов так не поступали, о чем говорят их толковые, компетентные личные суждения по внесенным на рассмотрение политического руководства страны проблемам.

А к чему, судя по его собственному признанию, стремился В.М.Фалин?

Да по сути к тому же, что и А.Н.Яковлев, – к признанию факта существования еще не обнаруженных подлинников секретных протоколов, к оказанию давления на депутатскую комиссию и на Съезд народных депутатов.

Вот что он сам пишет уже в 1999 г.: "Мои заготовки оказались невостребованными. Чтобы добро не пропадало, решаю устроить собственное выступление в прессе. Вопросы ставит заместитель генерального директора ТАСС Вячеслав Кеворков*, газета "Известия" выделила для публикации полполосы. Смысл моей акции – досказать то, что никак не слетит с языка наших "земных богов". Держу Яковлева в неведении, чтобы не подводить его. Горбачеву оставляю возможность ознакомиться с плодами моего своеволия, раскрыв газету".

* А.Êáâî ðéîâ – генерал-майор КГБ, бывший заместитель начальника пресловутого пятого управления. В 90-е годы, как и В.М.Фалин, большей частью обитался в Германии в качестве руководителя регионального бюро ИТАР-ТАСС.

Что же на деле получается? Выходит, и А.Н.Яковлев, и В.М.Фалин, и Э.А.Шеварднадзе, и “спецпосланник Яковлева”, обозреватель журнала “Новое время” Л.А.Безыменский, устроивший в Бонне накануне официального визита Президента СССР пресс-конференцию по “секретным протоколам”, дудели в одну и ту же маккиавелистскую дуду М.С.Горбачева. Последний же, в свою очередь, разыгрывал вселен-

ский спектакль и при этом совершал, скажем очень и очень мягко, грубый должностной проступок, открыто демонстрируя свое неуважение к высшему органу власти собственной страны – Съезду народных депутатов СССР – и прямо дезинформируя его. А генералы всемогущего, коварного и угрюмого КГБ (как теперь оказывается, не только О.Калугин, но и другие) всем им в этом успешно подыгрывали...

Закончить статью хотел бы все той же мыслью, что и в предыдущих публикациях.

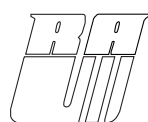
Пора, на мой взгляд, прекратить напускать туману в этой запутанной истории с секретными протоколами.

Если российские власти уверены в подлинности обнаруженных в пакете № 34 документов – выставляйте их для экспозиции в музеях, архивах, предоставьте исследователям свободный доступ к ним, публикуйте эти материалы в строгом соответствии с определенным законодательством порядком.

Если же есть сомнения, а их, думается, более чем достаточно, нужно привлечь коллективный авторитет российского парламента – Федерального Собрания Российской Федерации, Общественной палаты, задействовать опыт специалистов различного профиля для определения подлинности содержащихся в Президентском архиве материалов и выяснения всех обстоятельств, связанных с их появлением в фондах этого государственного учреждения.

Примечание

¹ Обозреватель – Observer. 2006. № 1.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
ОBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru